

Отдел I. Оригинальные статьи.

К вопросу о воплощении материнских впечатлений на зародыше.

Д-ра П. П. Под'япольского.

(с 3 рис. на отд. таблице).

(Доложено в Обществе Психологии, Неврологии и Психопатологии в Саратове).

Das Wissen hat keine andere Grenze,
als das Nichtwissen.

R. Virchow.

Одним из поразительных примеров влияний духа на тело будут те органические *stigmata*, которые вызываются словесным внушением в гипнозе. Раз до шести (приходилось мне самому получать красноту и пузыри в таких случаях *), и этот опыт повторил успешно мой ученик, д-р Д. А. Смирнов в Москве (1—7). Процесс протекал на глазах присутствующих свидетелей в течение несколько часов. Созревание пузырей проходило обычные стадии ожогов 2-й степени, т. е. имелся налицо весь комплекс клинических симптомов воспаления.

Четыре кардинальных признака воспаления установлены были еще за 30 лет до Р. Х. Celsus'ом: *rubor, tumor, calor* и *dolor* (краснота, опухоль, жар и боль). Galenos прибавил к ним 5-й — *functio laesa* (расстройство функции). Все эти признаки проходили перед нами. Отсутствовала реальная болезнетворная причина с ее действием на ткань, она была мнимая, — но реакция ткани на эту мнимую причину была реальна. Все экспериментируемые предварительно испытывали когда нибудь на самом деле ожоги с последующими пузырями, — *условие решительно непременно* для успеха искусственного воспроизведения явления, которое таким образом следует отнести к группе условных рефлексов И. П. Павлова. Эта серия необычных явлений свидетельствует об удивительной власти духа над телом *в пределах личности*.

Но, наряду с этой группой явлений, не намечается ли другая, аналогичная группа, — влияний духа на тело *за пределами личности*, в потомстве (последственность)? Это — родинки и уродства плода, которые отвечают зрительным и осязательным впечатлениям (пред-

*) Первый опыт сделан 25 лет назад (в 1898 году).

ставлениям) родителей,—чаще матери,—во время беременности, воспринятым внезапно в эмотивный момент (8—11).

Первая группа (мнимые ожоги, горчичники, мушки) подлежит нашему эксперименту, при изучении же второй группы последний, по понятным причинам, весьма затруднителен. Но здесь и прямое хорошее наблюдение *ex natura* вполне сохраняет свое значение и цену. Сошлюсь на свой доклад в научном заседании Совета Саратовского Общества Естествоиспытателей в марте 1902 г. (9).

Не приходится говорить о случайности там, где факты гласят о значительном вероятии. В этой и следующих моих статьях собственных наблюдений приведено мною 14. Эмоция тут всегда—непременный член, обязательное звено в стереотипной картине материнского впечатления. Аналогии с гипнотической процедурой могут быть проводимы очень далеко и глубоко. Необходимо известное состояние сознания и внесение в это время представления (внушения). Даже прикосновение, которому гипнологи придают такую цену, комбинируя его со словесным внушением *in loco dolente*, этот „курсив“ ко внушению,—оценивается и народным поверьем: беременная при испуге не должна хвататься за лицо, чтобы тут не проявился знак у ребенка. Редкость не есть еще опровержение явления. Она может означать только,—что комбинация нужных, оптимальных условий, в которых явление способно осуществиться, статистически выполняема нечасто. „Мгновенный сомнамбулизм“ при умелой гипнотической технике может быть сразу получен у гипнотика - новичка процентах в 17 (12). Но из числа поражаемых внезапной и резкой эмоцией не все будут женщины, не все беременные, не все травмируются в подходящий момент плодообразования, не все „мгновенные сомнамбулы“ и, наконец, не все еще попадают в учет наблюдателя. Все это крайне понижает процент регистрируемых случаев. Не оттого-ли и „редкость“ явлений?

Таким образом воплотившая впечатление мать, по нашему, должна оказаться *миновенной сомнамбулой* при гипнотической пробе *post factum*. Но, раз эмоция—обязательный элемент в возникновении явлений, то эмотивные эпохи войн и революций приобретают для нас особенное значение, обещая урожайность и жатву искомым явлениям. На нас, современниках, лежит долг и обязанность не упустить случая ради нелицеприятной проверки и всестороннего исследования. Прежде всего необходимы коллектирование фактов путем анкет и приложение биометрического способа математической статистики, не исключая и других возможных методов (10, 11).

Сила слова у человека, благодаря обычному орудию его,—членораздельной речи,—легко демонстрируется. Но не только сло-

вом и тоном передается внушение. Могут быть даваемы невольно слуховые, зрительные, вкусовые, обонятельные, осязательные сигналы. Можно внушением подвергать извращению любое чувство: запретить видеть то, что перед глазами, не слышать звука, вызвать боль, где ее нет, устранить, где она есть, наконец, получить этот maximum наших влияний духа на тело — отщепление эпидермиса чрез накопление жидкого выпота, вызывая пузырь от мнимого ожога путем гипнотического внушения. Эти прямые влияния духа на тело свидетельствуют об огромной власти, какую имеет мозг над всеми жизненными функциями, над телом. Отсюда значение этих явлений, как фактора биологического. Наши биологические доктрины, напр., классическая доктрина Darwin-Wallas'a, прошли вне принятия во внимание психического фактора (условной рефлексологии); а он должен же был действовать и влиять при образовании индивидуумов и видов, доставляя жатву естественному отбору (селекции) (8—11).

Из значительной коллекции моих фактов приведу небольшое число для иллюстрации.

I. Случай с г-й Л. (зарегистрирован X/30 1909*). Мать, будучи беременной, шла ночью через площадь в Саратове, где вдруг на плечи ей прыгнула белая большая собака, ткнула мордой и лизнула в правую щеку. Женщина вздрогнула от внезапности и резко восприняла правой щекой неожиданное прикосновение мохнатой морды и противного мокрого языка. Впечатление было однократное и внезапное, зрительное и осязательное — сразу. Испуг был невелик. Мать тут же подумала о возможном вреде для ребенка и воздержалась схватиться за щеку. Но прикосновение было уже сделано мордой... Г-ке Л. было тогда 26 лет, беременна она была на VIII месяце, во второй раз. Роды произошли 13/II 1887 г. У новорожденного (цитирую по письму матери) на правой щеке, ближе к носу, оказалось слегка-темноватое пятно, покрытое очень светлыми, тоненькими, коротенькими волосиками. Пятно со временем все темнело, стало коричневым, темнели и волосики. Теперь (1909 г.) волосы темнорусого цвета, длиной более вершка, и под ними коричневое поле (рис. 1). Изрека и за время беременности матери приходили на ум опасения за ребенка. Мать — очень впечатлительная, нервная, особенно после перенесенной ею операции. У высоко внушаемых (легко травмируемых) субъектов оперативная травма дает особенно много шансов ожидать „мгновенного сомнамбулизма“. Г-на Л. охотно согласилась на гипнотическую пробу; к сожалению, ей пришлось вскоре переехать в Воронеж, и таким образом проверить высокую внушаемость у нее оказалось для меня невозможным. Ко времени записи случая в 1909 году ей было 48 л. Она и муж патены, она

*) Недавние сведения (1922) о семье Л. имелись от д-ра В. И. Шига-новича из Воронежа (Больница Ю.-В. ж. д.).

потемнее мужа. У сына волосы головы темнорусые. Родимых пятен нет ни у ее старшей дочери, ни у нее самой, ни у мужа. Сын,—питомец Московского университета,—теперь врач.

II. Случай с г-й А. (зарегистрирован 16/V 1915). Г-н Ш., 23 лет, московский фабрикант мебели, пострадавший политически в 1905 г., 14 месяцев сидел в тюрьме. Замужняя сестра его А. навещала его еженедельно в известный день. Ей было 25 лет, и она была беременна первым ребенком на VI месяце. В очередной день, дня за 2 до ожидаемого освобождения брата,—о котором и он, и она знали,—она вдруг узнает в тюрьме о скоропостижной кончине брата. Полная радостных помыслов о свидании, скором освобождении, она так далека о мысли о вечной разлуке, что не может ее осознать... Но ее подводят к братниному труп. Ее поражает на левой скуле мертвеца под глазом злоеший черный синяк в виде овала с выемкой, обращенной к уху (рис. 2) „Не били-ли“?. Она лишается чувств тут же. К покойному когда-то приглашаем был проф. В. П. Сербский, который и диагностировал у него *raganoim originarium*. Сестре объясняют, что с братом случился припадок буйства, он выбил окно и осколком стекла перехватил себе горло. Падая, он ударился об угол стола и нанес себе этот синяк. Это было 13/II 1906 г., а в мае у г-и А. рождается девочка Вера. Ей теперь (1915 г.) 9 лет. На той же левой щеке под глазом у новорожденной оказалось темное пятно, цвета черно-коричневого бархата, формы карточного сердца, точно налепленное на щеку (рис. 3). Выемкой оно было обращено не к уху, как у покойного, а к глазу. Ошибка запоминания, или ошибка воспроизведения? Реакция на впечатление?.. У всех родных и знакомых, видевших Ш. в гробу, пятно маленькой Верочки вызывало невольную аналогию с дядиним. Ни у отца, ни у матери, ни у дедов и бабушек, вообще в роду у Верочки подобных родимых пятен не было. После Верочки у А. было еще 2 ребенка (сына), причем у следующего за Верочкой брата есть крохотная темно-бархатистая родинка, словно осколочек, брызга, отголосок того, что у Верочки.

Как ни толковать эти факты,—с ними прежде всего надо считаться. Для кожных феноменов сравнительно поздние сроки беременности (VIII месяцев в I случае и VI во II), когда постигло матерей впечатление, не должны казаться препятствием к установлению зависимости явлений по условиям эмбрионального срока развития. Кожные феномены, вызываемые гипнотическим внушением (в пределах личности), созревают в несколько часов (12, 7, 3, даже меньше).

Не буду распространяться о случаях рождения безруких, безногих уродов, матери которых во время беременности присутствовали при казнях (напр., четвертовании, колесовании), причем соматический дефект отвечал местам отсечения членов казненных (*Malbranche, Lavater*). При оценке подобных случаев указание срока беременности особенно важно. Приведу еще один из своих

случаев, минуя многие интересные, не говоря о литературном материале, которым я располагаю.

III. Люба Горохова, 3 лет, из с. Чердыма, Саратовск. губ. и уезда. Привела ее мать (Авдотья) 7/II 1907 г., прислала учительница Е. А. Леднева. У девочки природная колобома радужной и хориоидальной оболочек обоих глаз, по диагнозу специалиста, д-ра Н. И. Максимова. Глаза карие. Таких „кошачьих глаз“ мать у людей никогда не видела, и в роду их не было. Будучи беременной, она днем уснула в снях, как вдруг проснулась от внезапного мягкого толчка в грудь. Вздрыгнула, видит,—в нее впились и горят в полумраке два каких-то кошачьих глаза... Кошка и есть,—их кошка спрыгнула с палатей и попала ей на грудь... Девочка—1-й ребенок. Беременность была вначале (на II месяце). Через год родился мальчик, живший 8 дней, а года через 2 другой мальчик, живший 7 месяцев; оба умерли от поноса; глаза у них были правильные.

Coloboma в данном случае не стояла ни в какой связи с другими пороками развития (заячья губа, волчья пасть и др. признаки вырождения) и с этой стороны должна считаться simplex. Простираясь через весь annulus minor iridis и через сосудистую оболочку, она заходила далеко к периферии. Таким образом случай этот может быть определен, как *iridoschisma seu coloboma iridis et chorioideae congenitum simplex bilaterale*.

Глазные пузыри у человеческого зародыша являются, как laterальные выросты переднего мозга, уже на 15-й день. Хрусталик у 3-недельного зародыша представляет еще открытую ямку, у 4-недельного отверстие ямки замыкается, и полость хрусталика выполняется удлинением клеток, образующих его внутреннюю стенку. В chorioidea, богатом сосудами слое, пигмент показывается в конце II месяца. Происхождение колобомы (щель) радужной оболочки приписывают неполному замыканию глазной хориоидальной зародышевой щели (простой случай остановки развития). Хориоидальная расщелина нормально замыкается на VII неделе. Срок восприятия материнского впечатления не позже VII недели не противоречит, таким образом, допущению причинной зависимости явлений.

Влияние душевных волнений на движение радужки выражается при ужасе сильным расширением зрачков. Gratiolet считает это за самый характерный признак ужаса. Кстати скажу, дочь моя, врач, умеет вызывать одновременное расширение обоих зрачков, представляя себе нечто страшное и подражая тому, как детям делают страшные глаза. Это—некоторое физическое напряжение глазами, довольно сильное, несколько неприятное, вызывающее утомление глаз, всматривание.

IV. 8/XI 1920. Фельдшерича А. М. Петрунина лет 9 назад, когда она была на первом—втором курсе фельдшерской школы, сидя вечером за столом, погрузилась в изучение анатомии сосудов и нервов, как вдруг почувствовала у себя какую-то пульсацию в области печени (которую она недавно тщательно изучала). Машинально она сунула руку за платье к месту пульсации и там схватила что-то мягкое, округлое и живое. Оттуда вышмыгнула на пол мышь и побежала. А. М. вскрикнула от испуга... После у ней нередко возникала пульсация в правом боку в этом месте, когда П. задумывалась за столом, или на ходу, и повторялись приступы отчетливой пульсации лет около 7, пока примененный мною однократный гипноз не избавил больную от этого своеобразного травматического невроза. Здесь реакция на впечатление, условный рефлекс—вне сомнений. Условным торможением он был погашен.

Фельдшерича—девушка, и о передаче материнского впечатления зародышу речи здесь нет, но случай освещает одну половину явлений,—как вазомоторная реакция может возникать у матери, могущей быть в известном положении. *Modus operandi* у *foetus in utero*, в свою очередь, остается делом особым.

Таковы факты. В Саратовском Обществе Естествоиспытателей когда-то я сближал две серии реакций, или явлений запечатлеваемости (внушаемости): в пределах и за пределами личности, память и наследственность, видя в них более, чем одну аналогию, вернее—общую модель. В наследственности, как и в памяти, разве не наблюдаем мы „забвений“ и „воспоминаний“? Вот она, минуя родителей и дедов, воспроизводит известный признак прадеда, не прабабушки, в другой раз—сходство с прапрабабушкой... „Амнезия“ и „воспоминание“?.. И что же тут удивительного? Разве это не проявления одного и того же субстрата, живой протоплазмы? Это она тут и там показывает нам свои свойства (запечатлеваемость восприятий, способных интерферировать и затухать). „Впечатление, полученное извне, задерживается в живой протоплазме, как некий заряд, способный разрядиться через известный срок: крайне малый (рефлекс), более или менее продолжительный (акт, сохраняемый подсознательной памятью) и крайне большой, проявляемый за пределами индивидуума (как наследственность—память предков)*). Механизм явлений и объем неизвестны. Моя аналогия с „царапинами фонограммы“ отнюдь не предполагает здесь на самом деле грубых следов или отпечатков **). Пусть это—ферменты, гормоны с их серией неизбежных взаимовлияний и цепью последовательных реакций; это, во всяком случае, — вещиности и реальности. Эмотивный толчок (*Auslösaungskraft*) лишь нарушает равновесие, сбрасывая прочь с

*) Цитата из моей работы, Тр. С.О.Е., IV, вып. 2, 1903—1904, стр. 279.

**) Там же, стр. 276 и 289.

крючка первое звено (кольцо) цепи, а затем звено за звеном раз-
вертывается последовательная цепь дальнейших реакций.

Сближая память и наследственность, я аналогизировал их, в 1902 г., с фонограммами. Richard Semon позднее (в 1904 г.) в своей „Mneme“ проводит подобные же аналогии, называя такие следы „энграммами“. Morton Prinze еще позднее называет их „неврограммами“. Замечательно, что перед нами не только одна модель, преследующая одинаковый внутренний смысл, но и почти одинаковое внешнее (словесное) выражение. Отправляясь назад через Hering'a (1870) и других предшественников, мы в *plusquam-perfectum* дойдем до Платона (его „теория следов“), с аналогией памяти с отпечатками перстня—печати на пластическом материале (воск) в его „Θεετете“.

„В высшей жизни вероятно—говорит И. П. Павлов (27),— что новые возникающие рефлексы, при сохранении одних и тех же условий жизни в ряде последовательных поколений, непрерывно переходят в постоянные“. Именно о возможности глубокой, особой ущемляемости впечатлений, проводимых чрез латентное (эмбриональное) состояние, здесь и идет речь.

Теперь, наряду с нервной связью, говорят о гуморальной связи между органами и клетками организма, о „химических рефлексах“ (термин Starling'a, 13) наряду с нервными рефлексами,—и нас не смутит уже отсутствие нервной связи зародыша с матерью, которое казалось непреодолимым препятствием к допущению фактов воплощения материнского впечатления прежде. Не странно-ли, что это же отсутствие нервной связи не препятствовало, в то же время, принятию факта нормальной физиологической наследственности?.. *Modus operandi* неизвестен... Значит-ли, что факт подлежит отрицанию? *Modus operandi* землетрясения также ведь неизвестен, но кто же отрицает землетрясения? Потрясения материнского организма от психо-травматического невроза, с последствиями на зародыше, не заслуживают-ли лучшей участи и внимания, кроме голого отрицания? Наследование любой морфологической особенности, повадки, привычки,—разве это не настоящий „*crux et scandalum*“ натуралистов? Правда, именно в этой области сейчас очень многое достигается... Допущение „психогенной“ наследственности (наряду с соматической) несколько не загадочнее обычных ее форм. Психический толчек—одинаково реален, как и физический толчек. „Гормональные влияния на идиоплазму не подлежат сомнению. Они координируют и направляют эволюцию зародыша. Начинаясь с первым клеточным делением зародыша химическим процессам необходимо приписать весьма важную роль в определении функциональных и морфологи-

ческих свойств будущего организма“ (А. А. Богомолец). В цепи взаимовлияний, протекающих в организме, психогенный момент является равноправным членом, входит звеном, нарушение которого отражается непременно на тесно связанных с ним химических и физических звеньях всей цепи. Не парадокс—выражение, что „психика влияет на химию и физику“ (и обратно). Нарушение правильных соотношений биохимических реакций создает ряд отклонений от нормального формирования *foetus in utero*. Общеизвестно влияние психики на слюнные железы и отделение „психической слюны“ определенного качества и количества и разнообразные ответные реакции (условные рефлексы) на разнообразные раздражители в знаменитых опытах акад. И. П. Павлова. Укажу влияние психики вообще на гладкую мускулатуру, на теплорегуляцию („психогенная“ гипертермия), на группу вазомоторных явлений, вроде внушаемых пузырей от мнимых ожогов, на психогенную метроррагию и ее гипнотическую отмену (случай из нашей собственной практики) и т. д.

Во все времена и у всех народов существовало поверье о возможности „воплощения“ материнских впечатлений на зачишающемся в утробе матери организме. Отмечали подобные факты и многие ученые, почтенные и умелые наблюдатели, тогда как другие, не менее известные, скептически относились к подобным фактам. Отрицание и скептицизм как раз базировались на „неизвестности *modus'a operandi*“ и на „отсутствии нервной связи у зародыша с матерью“.

Не думаем исчерпывать авторов и литературу: Avicenna (Ibn Sina), Renard, Erasm Darwin (отец знаменитого ученого), еще раньше—Гиппократ, Гален, Stahl(15), Leibniz, Geoffroy-Saint-Hilaire(25), Montaigne, Malebranche, Fordice, Prosper Lucas(16), Montgomery, Rokitansky, Carpenter, отец эмбриологии Фон-Бэр, Liébeault (19), Th. Ribot(18), Hack Tuke (20), Ballantyne (14), Neugebauer, Львов, зоолог Брандт (22) и многие другие—были за, Buffon, Blondel и др. (17,21—26) *против*. Burdach (23), был скорее „за“, чем „против“: он приводит богатейший материал примеров. Удивляться-ли, что имя знаменитого гуморального патолога Rokitansky стоит в числе защитников именно *pro*, а не *contra*?

„Оплодотворенный зародыш одного из высших животных, подверженный целому ряду перемен из зародышевой клетки до старости, непрерывно волнуемый тем, что Quatrefages называет так жетко *tourbillon vitale* (вихрь жизни), есть, может быть, один из удивительнейших предметов в природе. Весьма вероятно, что едва-ли

какое-либо изменение может касаться одного из родителей, не оставив известного отпечатка на зародыше... Кроме видимых перемен, которым он подвержен, мы должны предположить, что он наполнен невидимыми признаками, свойственными обоим полам, обоим сторонам тела и целому длинному ряду мужских и женских предков, разделенных сотнями и даже тысячами поколений от настоящего времени; и все эти признаки, точно письма, писанные на бумаге невидимыми чернилами, лежат, будучи готовы обнаружиться под влиянием некоторых известных или неизвестных условий" (Darwin).

Montaigne восклицает: „Что за диво эта капля семени, из которой мы исходим, и которая содержит в себе впечатления не только телесной формы, но и мыслей и склонностей наших отцов“.

Carpenter сравнивает наследственную передачу скрытых признаков и функций со скрытым изображением непроявленной фотографической пластинки.

Образным языком отчеканивает знаменитый указ реформатора Петра (1718 г.) о доставлении всяких уродств (людей, животных, растений) в „кунсткамеру“: „Уродов де напрасно таят невежды“, полагая, что они „от действия дьявола рождаются, но сие есть вздор“... „от повреждения внутреннего, а также от страха и мнения материнского, как тому есть многие примеры: чего испужается мать, такие знаки на дитяти бывают“.

Речь во всех этих замечательных выдержках идет и о простой, и о психогенной наследственности.

Повторяем: эмотивные эпохи войн и революций, обильные потрясающими впечатлениями, должны обещать преимущественную урожайность и жатву искомых явлений. Вот почему такие эпохи не следует упускать для изучения современникам.

Нет тем предосудительных и избранных, надо лишь с достойными методами натуралиста подходить к их изучению. Не рискуя дискредитировать науку, надо спокойно приступать к деликатным вопросам и, если не объяснять, то констатировать. Обладание фактом—величайшее достояние. Наши гипотезы суть наши мнения, они переменчивы; факты—суть факты, не преходящи.

„Наследственность... Овладеть этой силой, отстранить ее губительное влияние на человечество и направить ее на благо людей—одна из лучших задач мыслителя и врача“. (Слова Э. Ю. Петри).

Следующие опросные бланки могут дать предварительный ориентировочный материал, при широкой рассылке.

Просят ответить на вопросы, направляя ответ по адресу: Саратов, Клиника Душевных Болезней, Провиантская, 8.

- 1) Кто воспринял впечатление (имя, отчество, фамилия *) и лета?
- 2) Какое впечатление и когда поразило воображение? Описать подробно.
- 3) Какое и когда последовало уродство? Описать подробно.
- 4) Было-ли поразившее впечатление однократное и внезапное, или многократное и повторное?
- 5) Было-ли оно зрительное, слуховое, осязательное, или просто подействовал на воображение рассказ, или ожидание?
- 6) На каком месяце беременности последовало впечатление?
- 7) Было-ли потом опасение, что впечатление может отразиться на ребенке? Часто-ли оно приходило на ум?
- 8) Не было ли во время беременности матери особых явлений (сновидений, галлюцинаций)? Какие?
- 9) Какой недостаток проявился у ребенка, — физический (уродство), привычка, или какой другой?
- 10) Не было-ли в роду у самих родителей поданных аномалий? Какие?
- 11) Которым по счету является ребенок?
- 12) Сколько других детей (пол и возраст)?
- 13) Состояние здоровья всех членов семьи.
- 14) Особые примечания и подробности.
- 15) По возможности прилагать фотографию физического уродства.
- 16) Год, месяц, число, адрес и подпись корреспондента.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

- 1) П. Подъяпольский. Волдырь от мнимого ожога, причиненный словесным внушением в состоянии искусственного сна. Тр. Саратов. О-ва Ест., IV, в. 2.—2) P. Podiapolsky. Brûlure suggérée chez une femme ayant présenté du mutisme hystérique. Revue de l'hypnot., août, 1904.—3) Его же. О вазомоторных расстройствах, вызываемых гипнотическим внушением. Журн. Корсакова, 1909, кн. 1—4.—4) Его же. Des troubles vaso-moteurs par suggestion hypnotique. Revue de l'hypn., 24 année, № 6.—5) P. Fa rez. Les troubles trophiques dans l'hystérie; brûlure suggérée. R. d. l'h., 22 année, № 6.—6) Д. Смирнов. Modifications vasomotrices, produites par la suggestion hypnotique. R. d. l'h., 24 année, № 6; Zeitschr. f. Psychotherapie, IV.—7) Л. Даркшевич. Курс нервных болезней, III, Казань, 1917, стр. 497.—8) P. Podiapolsky. Les impressions ou suggestions paternelles ou maternelles se transmettent-elles aux enfants? R. de l'h., janvier, 1904.—9) П. Подъяпольский. О высоком вероятии проявления внушений, заданных родителям, у детей. Тр. С. О. Е., IV, в. 2.—10) Его же, К вопросу о силе психических впечатлений (влияние эмотивных эпох и войн на потомство), с опросными бланками. Ibidem; R. d. l'h., 1905, septembre; Вопр. фил. и психол., кн. IV,

*) В случае желания, имена и фамилии не оглашаются.

- 1905; La Sage-Femme, № 189, 1907. — 11) Его же. О влиянии духа на тело. О передаче материнских впечатлений или внушений плоду. Журн. Акуш. и Женск. Бол., май-июнь, 1907. — 12) Его же. Применение гипнотического внушения в лазаретной практике. Журн. Корсакова, кн. 2, 1915. — 13) Проф. В. Палладин. Работа ферментов в живых и убитых растениях. Дн. XII Съезда Рус. Ест. и Врач., 1910, стр. 52—71. — 14) J. W. Ballantyne Maternal Impressions. Edinb. Med. J., 1891. — 15) Stahl. De passionibus animi corpus humanum varie alternantibus. Halle, 1691. — 16) Prosper Lucas. Traité philosophique et psychologique de hérédité naturelle. Paris, 1847—1850. — 17) Gigon de Buzareingues. De la génération. Paris, 1828. — 18) Ch. Ribot. L'hérédité psychologique. Paris 1887 (рус. пер. Черемшанского. изд. Риккера, 1884). — 19) Liébeault. Le sommeil provoqué. Paris, 1889. — 20) Hack Tuke. Geist und Körper. Iena, 2 Aufl. — 21) Drzewiecki. L'influence des impressions maternelles sur le fœtus R. d. l'h., 6 année, p. 196—202. — 22) Проф. А. Ф. Брандт. Загадочные формы наследственности. Рус. Врач., №№ 29—30, 1916. — 23) Burdach. Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft. Leipzig, 1835—1840. — 24) Marat. De l'homme, ou des principes et des lois de l'influence de l'âme sur le corps et du corps sur l'âme. Amsterdam, 1775. — 25) Geoffroy Saint-Hilaire. Histoire gén. et partic. des anomalies d'organisation etc. Paris, 1832. — 26) E. Schwalbe. Die Morphologie der Missbildungen des Menschen und der Tiere. 1906—1907. — 21) И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт об'ективного изучения поведения животных. Петр., 1923.